

и *признаком духа*. Ощущение своего недостойнства перед Священным открывает душе горизонты вверх и вглубь.

Духовность и религиозность не являются состояниями чисто созерцательными; они скорее *деятельные*. Пассивно созерцающая религиозность не духовная, а душевная, так как душевное наслаждение в ней является преобладающим. Настоящая религиозность (идущая от духа и одухотворяющая человека) связана с желанием *совершенствования* – творить все творимое как можно совершеннее: видеть лучше, постигать больше, созерцать глубже, чувствовать тоньше, любить горячее, быть добрее, действовать вернее, обходиться с людьми любовнее и справедливее, служить самоотверженно, судить праведно (И. А. Ильин).

Дух человека помогает ему в самостронительстве и самоуправлении. Свобода человека состоит в его способности возобладать над законами причинности, воздействия, влияния, наследственности, эволюции, истории и т. д., в овладении ими и подчинении их своим духовным целям.

Сущность настоящей религиозности и весь смысл человеческой жизни состоят в том, чтобы «свободно восхотеть Божественного и свободно определить себя к Его путям» (И. А. Ильин).

**Т. А. Савина,
Д. Е. Лохтина**

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Одной из особенностей русской философии является ее взаимодействие с художественной литературой. Философские идеи в России излагались не только в научных трактатах, но и в художественной литературе. Это обстоятельство позволило русским философам преодолеть абстрактный, наукообразный рационализм и утвердить целостность человеческого духа.

Ф. М. Достоевский – не только великий русский писатель, но и мыслитель, духовидец, гениальный диалектик и метафизик. Он не был академическим философом, но русской философии без него не существует. Его гений знал собственные пути философствования. «В лице Достоевского, – писал С. Н. Булгаков, – мы имеем не только гениального художника,

великого гуманиста и народолюбца, но и выдающийся философский талант. Из всех наших писателей почетное звание художника-философа принадлежит по праву Достоевскому».

Основной особенностью антропологии Ф. М. Достоевского является то, что на первом месте у него оказывается метафизическое измерение человека. Писатель объясняет природу человека, исходя из самых глубинных основ жизни. Его герои, наряду с эмпирическим измерением, имеют еще и метафизическое, которое и является главным. Это измерение бытия выражено у Ф. М. Достоевского в предельной форме – в форме единого метафизического Героя. Этого метафизического Героя можно условно отождествить с главными героями его произведений: Раскольниковым («Преступление и наказание»), Версиловым («Подросток»), князем Мышкиным («Идиот»), Ставрогиным («Бесы»), братьями Карамазовыми (три равноправных «ипостаси» лика Героя). Центр тяжести писатель перенес с эмпирически конкретных людей на метафизическую Личность. Его герои как бы существуют и не существуют в реальности. Его герои и события нереальны и фантастичны. Сам он называл свой реализм фантастическим.

Другая основополагающая идея, которая замечена, пожалуй, только гениальным умом В. В. Розанова (вероятно, это позволила сделать ему страстная духовная любовь к писателю), – идея о том, что человек в целостности своей природы есть существо иррациональное и поэтому полное его объяснение недоступно для разума. То, что другие знают о человеке и он знает о себе, не исчерпывает полноты его существа. В нем есть нечто главное, чего никто не знает. И любить человека мы можем вопреки всему, что видим в нем. Ф. М. Достоевский впервые в русской литературе и философии показал иррационализм человеческой души. Человек не стремится к разуму и выгоде, иногда он даже стремится к хаосу и разрушению. Он не мирится с рациональным устройством жизни и отвергает всякую рациональную организацию всеобщей гармонии и благополучия.

Впервые эта мысль прозвучала в «Записках из подполья», в произведении, которое большинство исследователей писателя считает переходным в его творчестве.

Понимание человека через трансцендентное начало – одна из идей, которая присуща любому религиозному мыслителю, но здесь русский писатель по своему оригинален. Ф. М. Достоевский считал, что человеком

правит «закон естественный» и «закон духовный». Закон духовный – это «высшая идея».

Без высшей идеи, по его мнению, даже невозможна и любовь к человеку. Любить себе подобных можно потому, что есть идея бессмертия, потому что человек есть образ Божий. Любовь к человеку не естественна, а сверхъестественна. Любить человека можно потому, что есть вера в его духовную природу.

Сквозь греховность и падение человека всегда сквозит образ Божий. Поэтому нельзя убить даже самого последнего человека. Отсюда следует еще одна идея антропологии Ф. М. Достоевского – *безусловное значение всякой человеческой личности*. Эта идея наиболее обстоятельно раскрыта им в «Преступлении и наказании». Этот роман многие считают одним из самых удачных и цельных романов писателя. Этот роман – очень важный этап в творчестве Ф. М. Достоевского. Он свидетельство того, что мировоззрение писателя сформировалось, и в дальнейшем – в последующих романах – мы видим развитие той же самой темы, однако в ней уже заложен более глубокий смысл. Человек – ни преходящий эмпирический феномен, ни пассивный продукт социальной среды. Жизнь и судьба каждого человека имеют абсолютное значение. В романе Ф. М. Достоевский признает любого человека (пусть это и вредная старушка) как образ и подобие Божие. Разрушение этого образа ведет главного героя к страданию. Лишая другого человека жизни, Раскольников разрушает образ Божий в себе самом.

Антиномичность и противоречивость человека – одна из волнующих писателя тем. Ф. М. Достоевский как религиозный мыслитель рассматривает человека как дуалистическое существо. Человек – это борьба добра и зла, хаоса и гармонии. Митя Карамазов восклицает: «Нет, широк человек, слишком широк, я бы сузил».

Красота для писателя также двойственна и загадочна. Он не созерцает покоя красоты, а видит в ней столкновение света и тьмы. Он показал злое и демоническое начало красоты. «Красота – это загадка», – говорит князь Мышкин, увидев Настасью Филипповну. «Красота – это страшная и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, и поле битвы – сердца людей», – говорит Митя Карамазов. «Красота – это страшная и ужасная вещь. Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог создал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут...». Инфернальные женщины Ф. М. Достоевского (Настасья

Филипповна и Грушенька) стремятся к добру и одновременно – к злу. Писатель показал, что судьба красоты в этом мире трагична.

Идея человекобога и Богочеловека отражает дуалистическую направленность человека. С наибольшей силой идея человекобога выражена в романе «Бесы» в образе Николая Ставрогина – демонической личности. Богочеловек (Христос) – это князь Мышкин. Идея Христа на земле, согласно Ф. М. Достоевскому, не осуществима: князь Лев Николаевич после убийства Рогожиным Настасьи Филипповны окончательно впадает в слабоумие.

Следствием раздвоенности и противоречивости человека являются страдание и зло. Писатель имеет пристрастие к изображению самых острых и мучительных человеческих переживаний. В. В. Розанов отмечал, что Ф. М. Достоевского привлекали моменты падения, он – аналитик неустановившегося в человеческом духе. Его интересуют только швы, которыми стянуты картины жизни. Он всматривается в эти картины, чтобы понять, почему так искажен и неправилен образ Божьего мира. Отсюда болезненный тон всех его произведений.

Но Ф. М. Достоевский идет еще дальше, считая, что страдание сродни человеческому сердцу и человек испытывает тягу к страданию. И даже наслаждение от своего унижения. Страдание – подлинно универсальный закон человеческого бытия. Через страдание человек постигает глубинные основы бытия. Через страдание он очищается.

Тема свободы – одна из самых главных в антропологии писателя. В «Легенде о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевский обосновывает одну из центральных идей экзистенциализма – неспособность людей нести бремя свободы. В этой гениальной метафизической поэме он раскрывает борьбу двух мировых начал – Христа и Антихриста, свободы и принуждения. Великий инквизитор знает природу человека и делает все для людей, чтобы удовлетворить их потребности.

Задача инквизитора – облегчить этим несчастным существам страдания их короткой жизни. Он рисует картину всеобщего счастья, избавляет людей от всех мук и свободы решения. Человек найдет на земле все, что ищет: «перед кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться, наконец, всем в бесспорный общий и согласный муравейник». Христос верит в свободу человека, его духовную природу. Христос не хо-

чет избавить человека от страданий и мук ценой лишения свободы, возлагая на человека огромную ответственность за свой выбор.

В иррационально-художественной диалектике Ф. М. Достоевского принцип абсолютности личности сочетается с принципом мистического единства всех людей. Н. А. Бердяев пишет, что в романах Ф. М. Достоевского мы находим строго центрированную систему, на вершине которой, как правило, находится одна единственная личность. Все остальные персонажи являются ее «эманациями», в той или иной степени зависят от нее и определяются ею. Цель романов Ф. М. Достоевского – раскрыть единое человеческое лицо через человеческую множественность. Многообразие лиц является лишь способом выразить отдельные голоса внутреннего мира одной и той же личности.

Единство всех, взаимосвязи личности и всех проявляются в том, что на отдельную личность возлагается полная мера ответственности за судьбу всех людей. Если человек не в состоянии вынести эту ответственность (а так почти всегда и происходит), его судьба оказывается трагичной, и эта трагедия захватывает всех окружающих. Все романы Ф. М. Достоевского – это трагедии, где личность, принявшая на себя ответственность за окружающих, идет к физической и моральной гибели (Раскольников, князь Мышкин, Версиков, Ставрогин, Иван Карамазов). Эта трагедия доказывает, насколько земное единство людей далеко от благости и совершенства божественного бытия.

О. П. Смагина

МОДА: МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ

«Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» – гласит библейская мудрость. Некоторые считают, что XX столетие, насыщенное социальными и научными переворотами, произвело переворот и в costume.

Действительно, появилось множество технологий в части кроя, скрепления швов, обработки края, петель и т. д., возникли новые материалы, порой неузнаваемо изменяющие вид стародавнего предмета одежды. Но не его идею. Так, тончайшие нейлоновые чулки разительно отличаются и от по-